

В. М. КРУГЛОВ

Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
vmkruglov@yandex.ru

**ИЗ ИСТОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПОДЧИНЕНИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ПОВТОР СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ПРИ МЕСТОИМЕНИИ
КОТОРЫЙ В ТЕКСТАХ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ ***

Статья посвящена проблеме формирования новых норм русского литературного языка в начале XVIII в. На материале четырех текстов, напечатанных гражданским шрифтом в 1709–1726 гг., исследуется употребление синтаксической конструкции с повтором существительного при относительном местоимении *который* в постпозитивных придаточных предложениях. Как показывает анализ материала, в текстах, в разной степени демонстрирующих признаки простого церковнославянского языка, данный канцеляризм встречается существенно реже, чем в тех, что ориентированы на новые языковые нормы. В рассматриваемый период определенную поддержку употреблению повтора оказывают переводы с латинского языка, в котором аналогичные конструкции были представлены достаточно широко и имели ту же стилистическую окраску.

Ключевые слова: русский язык, история русского литературного языка, исторический синтаксис, относительное подчинение, Петровская эпоха.

**1. Вводные замечания:
объект исследования и задачи работы**

Настоящее исследование посвящено постпозитивным придаточным предложениям с местоимением *который*, где при местоимении повторяется существительное из главного предложения, а само местоимение согласуется с этим существительным в роде, числе и падеже. Данная конструкция¹,

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 16-04-00385-ОГН-А «Эволюция норм русского литературного языка в эпоху Петра I (на материале газеты “Ведомости” 1703–1719 гг.)».

¹ В научной литературе ее принято называть «повторением определяемого имени» [Коротяева 1964: 57; Троицкий 1968: 150], либо атрибутивным употреблением местоимения *который* [Зализняк, Падучева 1979: 293].

получив распространение в приказном языке XVI–XVII вв. и став характерным признаком этого языка, продолжала употребляться в текстах, относящихся к первому десятилетию XVIII в. Поэтому ее история может пролить свет на роль канцелярской традиции в процессе образования новых норм русского литературного языка и, шире, — на механизм формирования русского литературного языка нового типа.

В дальнейшем изложении рассматриваемый тип предложений будет условно обозначаться терминами «повтор» и «конструкция с повтором». Близкие к нему по значению и структуре явления, такие, например, как повтор существительного при других местоимениях, повтор существительного в препозитивном придаточном, разновидность повтора с отсылкой к существительному и т. п., могут тоже обозначаться термином «повтор», но при этом обязательно снабжаются уточнениями: «повтор в препозиции», «повтор при местоимении *кой*», «собственно повтор» и т. п.

Цель настоящего исследования — проследить закономерности употребления повтора в текстах петровского времени, напечатанных гражданским шрифтом, так как именно здесь новые нормы литературного языка должны были прежде всего найти свое непосредственное воплощение. В заключительной части статьи будут последовательно рассмотрены несколько типичных условий использования повтора в русском языке первых десятилетий XVIII в. Это, во-первых, его употребление в оригинальном тексте, язык которого ориентирован на нормы нового литературного языка, еще только находившегося в стадии формирования. Во-вторых, в оригинальном тексте светской тематики, написанном на гибридном церковно-славянском языке, — письменной традиции, для которой употребление конструкции с повтором было не характерно. В-третьих, в переводном тексте, оригинал которого не содержал синтаксических конструкций, сходных по структуре с повтором. И наконец, в-четвертых, в переводном тексте, иноязычный оригинал которого подобные конструкции, напротив, широко демонстрировал и который, следовательно, мог оказывать определенное влияние на синтаксис русского перевода. С этой целью были привлечены следующие источники: «Рассуждение» П. П. Шафирова о причинах войны со Швецией (СПб., 1717); составленное преподавателями Славяно-греко-латинской академии издание «Политиколепная апофеосис» — описание триумфальных врат, построенных к торжественному входу войск в Москву после Полтавской битвы (М., 1709) [Быкова, Гуревич 1955: 96]; «Краткое описание о войнах из книг Цезариевых» Анри де Роана (М., 1711) — извлечения из «Комментариев о Галльской войне» Юлия Цезаря, переведенные с французского языка на русский Б. Волковым [Там же: 117–118]; трактат «О должности человека и гражданина по закону естественному» С. Пуфендорфа (СПб., 1726) — перевод с латинского языка, выполненный И. Кречетовским и отредактированный Г. Бужинским [Пекарский 1862: 139].

2. Общая характеристика конструкции с повтором

2.1. Структурные типы и семантика

Наличие повтора существительного при местоимении *который* в пост-позитивном придаточном предложении придает последнему большую самостоятельность, ослабляя его связь с главным [Стеценко 1960: 222; Потехина 1968: 381; Кершиене 1973: 15]. Указательная (анафорическая) функция местоимения при этом усиливается, а союзная ослабляется [Коротаева 1964: 56]. Иными словами, при наличии повтора можно говорить о типе связи, переходном между сочинением и подчинением. Эта связь может реализовываться как на уровне отдельного предложения, так и на уровне текстового фрагмента (нескольких самостоятельных предложений).

В памятниках петровского времени интересующая нас конструкция представлена тремя структурными типами.

1. Первый тип — это собственно повтор, когда существительные присутствуют и в придаточном, и в главном предложениях, как правило, совпадая в форме числа. Например:

- (1) В Колывань тридесять галанских *кораблей* пришло, из *которых кораблей* осмь в Шлотбурх пойдут [Ведомости 1703: 85]².

В отдельных случаях в придаточном предложении может повторяться не одно, а несколько существительных, являющихся в главном предложении однородными членами. Например:

- (2) ...шведских *офицеров и рядовых* нам отдано, за *которых офицеров и рядовых* мы <...> в стекхолме обретающихся московских офицеров <...> выменить хотим [Ведомости 1706: 356].

Иногда в придаточном предложении может повторяться не только существительное, но и согласованное с ним определение. Например:

- (3) ...сѣхався на Реку Нарову, учинили Трактат *вечного миру* <...>. *Которои вечной мир* со обеих сторон от Государей подтвержден ратификациями [Шафиров 1717: 18–19].

Иногда повтор существительного может быть дополнен местоимением *весь*, которое, так же как и местоимение относительное, в этом случае согласуется с существительным в роде, числе и падеже и подчеркивает анафорическое значение местоимения *который*, уже усиленное наличием повтора. Например:

---

² Примеры из источников XVII–XVIII вв. приводятся в упрощенной орфографии: «парные» буквы и «ъ» в конце слова не воспроизводятся. Особенности слитного и раздельного написания слов, употребление заглавных и строчных букв, расстановка пунктуационных знаков сохраняются. Курсив в примерах принадлежит автору статьи.

- (4) Воинским *амунициям*, которые нашлись в городе и в Цитаделе росписи еще де ненаписали, <...> *которые все амуниции* баркированы де в Вигосе городе со флота [Ведомости 1719: 358] — ср. ниже пример (40).

2. Второй тип рассматриваемой конструкции объединяет контексты, где существительное при местоимении *который* повторяет не существительное из главного предложения, а отсылает к имеющемуся в нем однокоренному соответствию. В таких случаях речь, как правило, идет об отсылке к глагольной форме (личной форме, инфинитиву и причастию). Например:

- (5) <Его Царское Величество> <...> повелел им *предложить* о мире. *Которое предложение*, они <...> с радостью приняли [Шафиров 1717: 184];
 (6) ...*возведен* на Престол на десятом лете, после которого *возведения* многим подлежал опасностям [Там же: 11].

Иногда существительное придаточного предложения может отсылать и к согласованному определению. Например:

- (7) В контрактах *содружественных* или компанейных, две или многие персоны, денги, вещи, или инные труды между собою слагают <...> *В котором содружестве* или компании, должно таковое прилежание и верность иметь, что безвременно и для обманы друга от онаго содружества отставать не должно [Пуфендорф 1726: 300–301].

3. Третий тип объединяет случаи, когда в главном предложении отсутствует и повторяющееся существительное, и какое-либо однокоренное соответствие, а существительное при местоимении *который* в придаточном предложении обобщает смысл сказанного в главном. Подобные контексты отличаются тем, что в них значение конструкции с повтором может существенно отличаться от чисто указательного (анафорического) и становиться указательно-определятельным.

Указательное значение, не осложненное определятельным, реализуется тогда, когда посредством повтора сказанное в главном предложении обобщается универсальным способом, то есть способом, применимым практически ко всем возможным действиям (например, посредством существительного *случай*). Ср.:

- (8) В том городе швецкой король смотрел роту волохов, которым велел экзерцицию свою показать, как они в акциях бьются и атакуют. И с ними сам чинил нападение на свой лагерь, *при котором случае* учинилось ему несчастье, что, упавши с лошади, зело жестоко розшибся [Гистория 2004: 222].

Указательное значение свойственно также контекстам, где сказанное в главном предложении посредством повтора включается в какие-либо отношения сопоставления (например, когда описанное действие постулируется в качестве образца, или начинает выступать в роли временного ори-

ентира, либо включается в причинно-следственные связи). Ср. соответственно:

- (9) ...⟨посланных за провиантом. — *В. К.*⟩ против права публичного задержали надеясь возвращения заложениев своих; *по которому образу* також и соседы их учинили [де Роан 1711: 27];
- (10) Губернатор, принужден просить, дабы для доволного разсуждения настоящего дела на 10 дней армистициум был учинен, *в которое время* могли б то надлежащее дело окончать [Гистория 2004: 348];
- (11) Картагинцы: [в Африке] держали болшую часть воинских людей иностранных, *за которую причину* не имели хуже тех салдат как своеи земли [де Роан 1711: 183].

Что касается определительного значения, то оно присуще семантике конструкций третьего типа в тех случаях, когда посредством повтора действие, о котором рассказывается в главном предложении, обобщается, а также тогда, когда этому действию (или его результату) дается оценка. Ср. соответственно:

- (12) ...и поплыл в африку, куды было ево цезарь определил. *В котором путешествии* он утонул при устье реки иберусы [Там же: 164];
- (13) ...и дав баталию оных побил, *по которому безсчастию* здались они под власть цезариеву [Там же: 29].

То же относится к предложениям, где повтор отсылает к существительному в главном предложении и классифицирует его, то есть называет класс предметов или явлений, к которому это существительное относится. Ср. в следующем примере «копья — оружие»:

- (14) В корпусе баталии употребляют *копья, которое оружие* зело угодно есть к сопротивлению против кавалерии [Там же: 190–191].

Довольно часто в контекстах подобного типа в роли объекта классификации выступают имена собственные. Ср. в следующем примере «Прованция — земля»:

- (15) ...не присвоили себе те их места к *прованции, которая земля* погранична была [Там же: 26].

Иногда в роли объекта классификации может выступать и количественное числительное, которое в придаточном предложении классифицируется посредством существительного «число»:

- (16) ...из 368000 человек *в котором числе* 92000 человек было под ружьем возвратилось в свою землю токмо с 11000 человек [Там же: 7].

Таким образом, рассмотренные выше три типа конструкции с повтором отличаются друг от друга как по структуре, так и по семантике: при опре-

деленных условиях конструкциям третьего типа, наряду с анафорическим значением, может быть присуще определительное значение.

Следует учесть, что, несмотря на наличие четких формальных критериев, маркирующих границы каждого из рассмотренных трех типов повтора, иногда отнесение того или иного случая к определенному типу может вызывать некоторые трудности. Рассмотрим два таких примера. В первом имеется предложение, сходное по структуре с конструкциями первого типа: в придаточном повторяется существительное *случай*, употребленное выше в главном. Ср.:

- (17) Должно приметить его поспешность во всех *случаях*, а наипаче во взятии града безансона предъуспевши неприятели своих *которым случаем* и пропитанием запаса на войско [де Роан 1711: 13].

При ближайшем рассмотрении, однако, повтор здесь может быть отнесен и к конструкциям третьего типа, так как, строго говоря, указывает не на первое существительное, а на фрагмент, находящийся между существительными, где говорится о взятии города Безансона (во время которого Цезарь опередил своих неприятелей), и, следовательно, обобщает действие, о котором говорится в этом фрагменте. Обратим также внимание на то, что формы числа у обоих существительных не совпадают.

Второй пример демонстрирует предложение, сходное по структуре с конструкциями третьего типа: в главном предложении отсутствует как соответствующее существительное, так и какое-либо однокоренное соответствие, с которым существительное из придаточного могло бы обнаружить связь. Ср.:

- (18) Одно победоносное оружие Его Царского Величества под Полтавою, главную армию Шведскую *победило*. *По которой виктории*, многие высокие державы... [Рассуждение 1720: 3 предисл.; Hüttl-Folter 1996: 54–55].

С другой стороны, ожидаемое здесь определительное значение (ср. выше подобный пример (12) «поплыл в африку (...)», в котором путешествии») практически нейтрализуется возможностью замены существительного *виктория* его более употребительным синонимом *победа*, приближающим рассматриваемый контекст к конструкциям второго типа.

2.2. Особенности графического оформления конструкции с повтором в изданиях начала XVIII в.

Графическое оформление повтора в текстах гражданской печати допускало несколько вариантов. Это варьирование не было вызвано различиями в семантике соответствующих контекстов, а являлось следствием общих свойств повтора — его факультативного характера и ослабленной подчинительной связи. Исходя из этого, в дальнейшем изложении подобные случаи, привлеченные в качестве иллюстративного материала, приводятся

без дополнительных комментариев. Речь идет о следующих типах графического оформления.

Прежде всего следует отметить, что повтор, в большинстве случаев оформлявшийся через запятую как придаточное предложение, мог иметь вид самостоятельного и начинаться с заглавной буквы. Например:

- (19) И оных <неприятелей. — В. К.> по жестоком бою, которого с полтора часа с непрестанным огнем было, храбро с поля збила. *При котором бою*, чаем, неприятелей болши трех тысяч на месте боевом положено [Ведомости 1708: 8].

Иногда повторяющееся существительное могло заключаться в квадратные скобки. Например:

- (20) Внегда де начальные места государства суть укреплены, то везде хлеб с поля в них свозят, на *которое [поле]* армия неприятельская пришедши, еже ли пробудет долго, то с голоду помрет [де Роан 1711: 345; также 290]. Похожий пример см. в «Шлюзной книге» [ШК 1708: 113; Круглов 2004: 84].

В отдельных случаях в квадратные скобки заключалось сразу и существительное, и относительное местоимение. Например:

- (21) *Предложено* <...> отаковать незапным нападением гаутв-квартир неприятелскую, где и изменник Мазепа обретался, *[по которому предложению]* <...> зачали войска наши чрез мост в лице неприятеля переходить [Ведомости 1709: 17].

В изданиях начала XVIII в. повтор мог сопровождаться словом *сиречь*. Например:

- (22) Капитаны нынешние, которые повелевают *армиями* новыми без чина, и послушности, быв полны багажем, *от которых [сиречь армее]* салдаты не умеют своим ружьем владети [де Роан 1711: 150]. Подобный пример см. в «Шлюзной книге» [ШК 1708: 80; Круглов 2004: 84].

Такие контексты остаются за пределами нашего исследования, так как в них конструкция с повтором трансформируется в прямое пояснение.

2.3. Синонимы конструкции с повтором в текстах начала XVIII в.

Следует учесть, что в русском языке петровского времени было представлено несколько типов конструкций, сходных с рассматриваемой и по структуре, и по значению. Речь идет о повторе существительного в начале предложения, во-первых, при других, менее употребительных относительных местоимениях (2.3.1); во-вторых, при указательных местоимениях (2.3.2); в-третьих, при прилагательных анафорической семантики (2.3.3).

2.3.1. Повтор при местоимениях *кой* и *каковой*. Повтор существительного при местоимении *кой* в памятниках рассматриваемого периода встречается крайне редко, что объясняется, по-видимому, традицией употребления самого местоимения. По мнению Ю. В. Кагарлицкого, в деловом языке XVII в., а также в той или иной степени ориентированных на него языковых регистрах конструкции с *кой* были не слишком распространены и могли восприниматься пишущим даже как «нечто маргинальное и нежелательное». В текстах петровского времени *кой* также употребляется в десятки раз реже, чем *который*, несмотря на редкие исключения — такие, например, как трактат И. Т. Посошкова «О ратном поведении», где доминирует *кой* [Кагарлицкий 2004: 140–143]. Редкий пример повтора существительного при местоимении *кой* в русском языке начала XVIII в. Ю. В. Кагарлицкому удалось обнаружить в «Слове в день святой великомученицы Екатерины» Феофилакта Лопатинского (М., 1725; с. 10). Ср.:

- (23) ...и сия *словеса* реченная суть Спасителем *коими словесы* показа Спаситель наш... [Там же: 139].

Повтор при местоимении *каковой* в петровское время также встречается существенно реже, чем при местоимении *который*. Пример его употребления обнаруживается, в частности, в сенатском докладе 1713 г. о сборе за лошадей деньгами. Ср.:

- (24) ...не плачено с драгунских и подъемных лошадей, за *каковую недоимку* бьют крестьян их на правеже [Доклады 1887: 117].

2.3.2. Повтор при местоимениях *он*, *сей*, *тот*, *таковой*, *такой*. В качестве вариантов анафорической конструкции с повтором существительного могли выступать и обороты с указательными местоимениями. В текстах рассматриваемого периода они представлены теми же структурными типами, что и конструкции с относительными местоимениями. Следующие примеры демонстрируют, что существительные при местоимениях *таковой* и *такой* могли формировать как собственно повтор, так и отсылку к общему смыслу предшествующего предложения:

- (25) И о *орехах* не худо бы учинить и заповеть, чтоб никто прежде Семена дни их не щипал, но дали бы им созреть, чтобы ядро наполнилось <...>. И *таковых спелых орехов* один четверик лутче четверти недоспелых [Посошков 1951: 173–174];
- (26) Августа в 17 день около мадрита в войске короля филиппа осмь тысячь члк побито и три тысячи в полон взято. Все пушки и обоз потеряли, и по *такой победе* король каролус за ними гнался [Ведомости 1706: 347].

Из примеров также следует, что для употребления повторов при указательных местоимениях характерно присутствие в начале предложения со-

чинительных союзов, которые, по-видимому, были призваны усилить связь между предложениями, ослабленную уже не только наличием повтора, но и отличиями в семантике указательных и относительных местоимений. Присутствие сочинительных союзов наблюдается как при дистантном, так и при контактном расположении существительных:

- (27) ...шведы биржень добывают, и для того послан гонец ко *огинскому*, чтоб он на помощь пошел к тому городу, *а к нему огинскому* три тысячи члк московского войска совокупитись имеют [Ведомости 1703: 40];
- (28) В олонецком уезде, в файмогубской волости, в камени найдена медная *руда*, *и той руды* накопано с двести пуд [Там же: 17].

2.3.3. Повтор при прилагательных анафорической семантики. С существительным, повторяющимся в начале предложения, в текстах рассматриваемого периода могли согласовываться как местоимения (относительные и указательные), так и прилагательные анафорической семантики типа *помянутый*, *вышепомянутый*, *преждепомянутый*, *вышеимянованный*, *вышеписанный* и т. д. Для подобных случаев, так же как и для повтора при указательных местоимениях, характерно присутствие сочинительных союзов, компенсирующих слабую связь с предшествующим предложением. Например:

- (29) И октября против 28-го в ночи в помянутой *Кобер-шанц* отправлен был генерал-маюр Головин с командрованными 1 000 человеки салдат, которой, заняв оную крепость и разрытую куртину починя, оставил в ней с теми командированными салдаты полковника Климберха, *и помянутой Кобер-шанц* наречен Питер-шанцом [Гистория 2004: 340].

Таким образом, рассмотренные выше конструкции — с относительными местоимениями *кой*, *каковой*, с указательными местоимениями *он*, *сей*, *тот*, *таковой*, *такой*, с прилагательными анафорической семантики, — несмотря на структурную и семантическую близость к повтору существительного при местоимении *который*, имели свои особенности: для первых была характерна крайне низкая частотность употребления, у двух других отсутствовало присущее относительным местоимениям союзное значение. Отсутствие «конкуренции» со стороны синонимов, по-видимому, и позволило повтору при местоимении *который* в течение длительного времени оставаться в языке, сохраняя свою канцелярскую окраску.

2.4. Существительное при местоимении который в препозитивной зависимой части

В текстах петровского времени можно встретить еще один тип конструкций, демонстрирующий структурное и семантическое сходство с повтором в постпозиции, однако его синонимом не являющийся. Речь идет

об употреблении существительного при местоимении *который* в препозитивной зависимой части при повторении этого существительного в главной. Подобные предложения были широко распространены в приказном языке среднерусского периода. Например:

- (30) А *которыми реками* суды ходят, и на *тех реках* прудов новых и плотин и мельниц не делати [Уложение 1649: л. 90 об.].

История препозитивных и постпозитивных конструкций с повтором традиционно рассматривается в более широком контексте — в связи с историей всех типов препозитивных и постпозитивных придаточных предложений с местоимением *который*. Согласно мнению, высказанному еще А. А. Потебней, первые являются более древними и восходят к живой устной речи, откуда позднее проникают в письменную [Потебня 1968: 267–268]. Этому мнению придерживались ученые и в более поздних исследованиях по историческому синтаксису русского языка, где утверждалось, что предложения с препозитивной зависимой частью «исторически являются более ранними для относительных конструкций с местоимениями вопросительных корней» [Сумкина 1954: 187]. Было установлено, что на протяжении XV–XVII вв. оба типа предложений сосуществовали в одних и тех же текстах, причем постпозитивные конструкции, количество которых в этот период неуклонно возрастало во всех памятниках письменности (кроме грамот), постепенно вытесняли препозитивные [Кершиене 1973: 15].

То же верно и для конструкций с повтором существительного: в деловых и юридических документах XV–XVII вв. повтор существительного в препозитивной зависимой части, получив сначала широкое распространение, позже постепенно вытеснялся повтором в постпозиции [Сумкина 1954: 178; Кершиене 1973: 9]. В текстах начала XVIII в., ориентированных на новую культуру, повтор в препозиции встречается крайне редко. Известно, что одним примером он представлен в «Рассуждении о оказательствах к миру» (СПб., 1720) и отсутствует в «Разговорах о множестве миров» Б. Фонтенеля (СПб., 1740; пер. 1730 г.), первой части «Военного состояния Оттоманской империи» Л. Марсильи (СПб., 1737) [Hüttl-Folter 1996: 54], «Шлюзной книге» (М., 1708) [Круглов 2004: 89], рукописном переводе второго трактата «О правлении» Дж. Локка (1727–1729) [Круглов 2003: 77].

Местоимению *который* в препозитивной зависимой части (как при наличии существительного, так и без него) были присущи определенные семантические особенности. Местоимение здесь преследовало особую цель: «выделить определяемое им имя из числа других, выдвинуть его в качестве точно определенного объекта дальнейшего высказывания» [Качевская 1954: 211]; ср. также [Кершиене 1973: 7]. Часто препозитивные конструкции с относительными местоимениями имели «оттенок условного значения» [Сумкина 1954: 187]; ср. также [Кершиене 1979: 76].

История атрибутивного употребления местоимения *который* в препозитивных придаточных предложениях, а также структурные и семантиче-

ские особенности данной конструкции указывают на ее самостоятельность и позволяют оставить ее за рамками настоящего исследования.

2.5. Конструкция с повтором как характерная черта приказного языка XVI–XVII вв.

Существуют по крайней мере две точки зрения на происхождение и историю постпозитивных конструкций с повтором существительного при относительных местоимениях. Согласно первой, восходящей к мнению А. А. Потебни, придаточные предложения данного типа являются более древними по отношению к придаточным без повтора и представляют собой более ранний этап развития сложного предложения [Потебня 1968: 264]. Точка зрения А. А. Потебни получила широкое распространение в исследованиях 1950–1970-х гг., где, в частности, утверждалось, что подобные конструкции отражают «постепенный переход от препозитивных предложений к постпозитивным» [Качевская 1954: 221]. Обращалось внимание на сохранение придаточным предложением «некоторой структурной самостоятельности» [Стеценко 1960: 222], а также на «неполноту относительной функции» местоимения при повторе и на ее неполное развитие [Коротяева 1964: 59]. Позже эта теория была закреплена в двух академических изданиях, посвященных соответственно сравнительно-историческому синтаксису восточнославянских языков и истории сложного предложения в русском языке, где утверждалось, что повтор имени делает обе части конструкции «более самостоятельными» (поэтому рассматриваемые зависимые предложения нельзя еще назвать придаточными определительными в современном значении данного термина), что придаточное предложение, в составе которого есть определяемое имя, «отражает этап развития постпозитивных определительных конструкций» и, наконец, что конструкции с повторением определяемого имени были «первой ступенью в процессе формирования современных придаточных определительных» [Кершиене 1973: 15; 1979: 76].

Согласно другой точке зрения, которую со ссылкой на докторскую диссертацию А. Г. Руднева изложил в своей монографии об относительном подчинении в языке русской письменности XVI–XVII вв. В. И. Троицкий, мнение о древности конструкции с повтором не подтверждается данными источников и находится в противоречии даже с теми примерами, которые привел А. А. Потебня: «только семь из них падают на списки летописи, остальные 18 — из памятников делового языка». Было замечено, что с течением времени число примеров с повтором возрастает. По мнению А. Г. Руднева (с которым согласен В. И. Троицкий), повторение определяемого имени при местоимении «отражает особенности письменной речи» и находит себе применение в сравнительно более позднюю эпоху — XVI–XVII вв., главным образом в деловой речи. Это происходит благодаря той функции, которая свойственна повтору и которая созвучна особенностям канцелярского стиля, в идеале стремящегося к абсолютной точности:

при наличии в главной части предложения нескольких существительных употребление повтора продиктовано «стремлением указать точно, к которому из них относится подчиненная часть, и избежать двусмысленности» [Троицкий 1968: 51, 150–151].

На соответствие некоторых синтаксических конструкций коммуникативному заданию деловых текстов указывала Э. И. Коротаева. В своей монографии, посвященной союзному подчинению в русском литературном языке XVII в., она отмечала, что несколько архаичных конструкций с анафорическим и выделительным значениями (включая и тот тип повтора, которому посвящена настоящая статья) находят широкое распространение в деловых документах и в близких к ним по языку произведениях, так как структура этих конструкций «отвечает потребностям делового языка» («потребностям языка канцелярии»), который требует «предельной ясности и точности выражения мысли», «полного устранения какой-либо двусмысленности» [Коротаева 1964: 48, 58].

В современных исследованиях по истории русского литературного языка проблема происхождения повтора, как правило, не затрагивается. Его распространение в приказном языке XVI–XVII вв. и соответствие свойственной ему функции коммуникативному заданию деловых текстов постулируется вне зависимости от того, признается ли повтор закономерным этапом формирования современного типа постпозитивных придаточных предложений. Так, например, обстоит дело в работах В. М. Живова, который обращает внимание на две причины распространения конструкции с повтором в приказном языке среднерусского периода: во-первых, на специфику делового регистра, стремящегося «к эксплицитности референтных соответствий», и, во-вторых, на особую функцию данной конструкции, которая, если воспользоваться удачным выражением исследователя, была призвана обеспечивать в тексте «однозначность референциального отождествления» [Живов 1997: 62–63; 2000: 576, 578].

В русском языке начала XVIII в. уточняющая функция повтора в зависимости от контекста могла либо реализовываться, либо оставаться невосребованной. В следующем примере из поздней редакции рукописной «Гистории Свейской войны» повторение существительного *чин* обусловлено наличием в главном предложении сразу двух существительных мужского рода в форме ед. ч.:

- (31) ...просили <...>, дабы принял его величество *чин* адмирала от Красного флага, которой *чин* его величество охотно изволил принять [Гистория 2004: 532].

В этом же источнике встречаются примеры «избыточного» употребления повтора, когда функция последнего остается невосребованной из-за отсутствия условий, создающих возможную двусмысленность. Такое употребление наблюдается как при контактном, так и при дистантном расположении существительных главного и придаточного предложений. Ср.:

- (32) ...однако ж оные ⟨неприятели. — *В. К.*⟩ в той конфузии все побежали назад в свои *суды, ис которых судов* многие опрокинулись [Там же: 254];
- (33) ...тотчас в Фридрихштате учинен *лозонг* тремя пушечными выстрелами, *по которому лозонгу* вскоре начали перебираться за реку чрез мост от войска росийского гвардия [Там же: 390].

Если вспомнить, что именно уточняющая функция позволила повтору получить широкое распространение в приказном языке XVI–XVII вв., оба типа употребления заслуживают особого внимания и при изучении истории рассматриваемой конструкции в новом литературном языке.

2.6. Конструкция с повтором в русском языке XVIII в.

В первые десятилетия XVIII в. начинается формирование новых норм русского литературного языка, происходит объединение языковых средств разных регистров в едином пуле, который в дальнейшем подвергается тщательной ревизии, перебору и пересмотру [Живов 2000: 580]. Старые письменные традиции при этом исчезают не сразу, а вместе с единицами, оказавшимися за пределами новых норм, еще долгое время продолжают существовать на периферии языкового употребления. К таким единицам относится и конструкция с повтором: не получив широкого распространения в новом литературном языке, она продолжает использоваться в деловых документах на протяжении полутора столетий. По свидетельству А. А. Потебни, в русском языке второй половины XIX в. относительное местоимение в придаточном предложении уже вполне заменяет собою соответствующее имя главного, и поэтому повторение имени при относительном местоимении не допускается, «кроме делового языка» [Потебня 1968: 263]. Отсутствие повтора в современном литературном языке А. А. Потебня связывал с завершением промежуточного этапа длительного процесса — формирования современного типа сложноподчиненных предложений с придаточными относительными.

Иную интерпретацию истории повтора в русском языке XVIII–XIX вв. предложил В. М. Живов. Он обратил внимание на то, что синтаксическая организация деловых текстов входила в противоречие с той риторической традицией, которая была положена в основу норм нового литературного языка. Действительно, синтаксис делового регистра обусловлен задачей приспособления устных стратегий к условиям письменной коммуникации. Для текстов, относящихся к этому регистру, характерен ситуационно ориентированный синтаксис, в соответствии с которым основное сообщение обычно помещается в начало периода, а детали этого сообщения перечисляются в конце. Связь с помощью различных типов повтора созвучна такой структуре и поэтому в деловых текстах широко распространена. Новый языковой стандарт, напротив, стремится устранить элементы ситуационного синтаксиса и избавиться от любых типов связи с помощью повтора.

В этом он следует за европейскими литературными языками, чья синтаксическая организация, в свою очередь, восходит к античной риторической традиции. Дополнительную поддержку новый языковой стандарт мог получать со стороны регистров книжного языка, синтаксис которых находился под влиянием церковнославянских переводов с греческого и был лишен в целом разговорных черт [Живов 2000: 573–579].

В первые десятилетия XVIII в. тексты, ориентированные на новую культуру, демонстрируют, как правило, единичные употребления повтора. Это относится как к изданиям гражданской печати, так и к рукописным переводам. В частности, в «Рассуждении о оказательствах к миру» (1720) Б. Фонтенеля (1740; пер. 1730) — двумя, в первой части «Военного состояния Оттоманской империи» Л. Марсильи (1737) — тремя [Hüttl-Folter 1996: 54–55]. В [ШК 1708] обнаруживается восемь таких примеров [Круглов 2004: 83–84], в рукописном переводе «Приключений Телемака» Франсуа Фенелона (1724) и второго трактата «О правлении» Дж. Локка (1727–1729) — соответственно пять и шесть [Круглов 2003: 76; 2015: 170]. Конструкцию с повтором можно встретить и в «Примечаниях к Ведомостям», изданных Академией наук в 1728–1729 гг. [Живов 2000: 579]. Наряду с этим в отдельных памятниках первой половины XVIII в. повтор может быть использован достаточно широко — например в переводе «Библиотеки» Аполлодора (М., 1725), сделанном А. К. Барсовым [Живов 2000: 579], «Гистории о российском матросе Василии Кориотском» [Живов 1997: 63], письмах и бумагах Петра I и в «Описании земли Камчатка» С. П. Крашенинникова [Круглов 2003: 76]. Возможно, что для данного периода частотность употребления подобных конструкций, относящихся к «субстрату приказной традиции», служит индикатором социальной среды, в которой возникает или бытует тот или иной текст [Живов 1997: 63].

Со второй половины XVIII в. количество употреблений повтора резко уменьшается. Картотека «Словаря русского языка XVIII в.» (ИЛИ РАН) демонстрирует лишь два подобных примера из текстов разной тематики и стилистической окраски: комедии А. П. Сумарокова «Лихоимец» (1768) и «Рассуждения о человеческом познании» (1788) Я. Козельского [Круглов 2003: 76–77].

3. Конструкции с повтором в изданиях гражданской печати

3.1. Вводные замечания

Можно согласиться с тем, что судьба синтаксических единиц определяется общими объективными тенденциями в развитии синтаксической системы, например (как в случае с повтором) его ролью в формировании современного типа относительных придаточных, либо тенденцией к устранению атрибутивного употребления относительных местоимений, либо

(в самом общем виде) — тенденцией к оформлению закрытой структуры предложения. Следует, однако, учитывать, что в отдельные эпохи история тех или иных конструкций может зависеть от причин, которые, на первый взгляд, кажутся второстепенными, но которые тем не менее способны оказывать существенное влияние как на скорость происходящих изменений, так и на их результаты, расширяя и ограничивая круг языковых единиц, вовлеченных в сферу действия общих объективных тенденций. К таким «второстепенным» факторам, наряду с риторическими принципами, положенными в основу принятых языковых норм, по-видимому, можно отнести иноязычное влияние и влияние существующих письменных традиций с присущими им синтаксическими особенностями. В данном параграфе будет рассмотрен вопрос о том, в какой степени употребление конструкций с повтором в текстах петровского времени, напечатанных гражданским шрифтом, находилось под влиянием этих двух факторов.

3.2. Конструкции с повтором в оригинальных текстах

Анализ материала целесообразно начать с оригинального текста, язык которого был ориентирован на новые нормы литературного языка и который можно было бы условно считать своеобразной точкой отсчета при сопоставительном изучении нескольких источников, — «Рассуждения о причинах войны со Швецией», написанного П. П. Шафировом (1717). Объем источника составляет примерно 182 тысячи знаков (или 101 условную машинописную страницу по 1800 знаков каждая, что важно для сопоставительного анализа источников).

Конструкция с повтором представлена здесь 23-мя употреблениями. В десяти случаях речь идет о собственно повторе, когда и в главном, и в придаточном предложениях присутствует одно и то же существительное:

- (34) ...того ради в том же *трактате* отступление всех претензии, которые Государи Российские на оные <провинции. — В. К.> имели, себе выговорили, и от послов Российских вымогли. *Которои трактат* принужденной междо обоими страны чрез посредство Аглинского посла заключен 1616 [Шафиров 1717: 68].

В 4-х примерах из десяти наблюдается «избыточное», функционально не обусловленное употребление повтора, когда предшествующий контекст не содержит словоформ, вызывающих необходимость дополнительного уточнения. При этом во всех контекстах, как и в (34), имеет место дистантное расположение существительных. В 6 случаях повтор выполняет уточняющую функцию. Ср. пример (35), где необходимость повтора вызвана присутствием в главном предложении формы *воеводу* и омонимией форм местн. ед. ч. м. р. и ср. р. местоимения *который*:

- (35) <Шведский король> принудил из тои своеи партии некоторыя малыя особы новую Элекцию или *избрание* учинить, на персону

[бунтовщика] Станислава Лещинского, бывшего воеводу Познанского, *при котором избрании*, кроме его Генералов и офицеров от воиск, кроме трех или четырех человек из Сенатории Полских, и из его партии, за противностию не было [Там же: 132–133].

В «Рассуждении» П. П. Шафирова представлены и конструкции второго типа, где существительное при местоимении отсылает к находящемуся в главном предложении однокоренному соответствию. Во всех примерах подобного рода эти соответствия являются частями сказуемого и представляют собой причастие или личную форму глагола. Ср.: *возведен — после которого возведения*, с. 7; *присланы — по которым присылкам*, с. 16; *повелел предложить — которое предложение*, с. 184.

В 10-ти оставшихся случаях существительное при местоимении обобщает смысл сказанного в главном предложении. Как правило, оно обобщает действие, о котором говорится в главном предложении и которое выражается глагольной формой, являющейся частью сказуемого (всего 8 примеров). Ср.:

- (36) Его Царское Величество <...> на то ответствовать повелел, чтоб они сперва на то Короля Шведского склонили, и в том *Гарантию на себя взять обещали, по которой Декларации* и Его Царское Величество себя объявит [Там же: 175–176].

В одном примере повтор отсылает к имени собственному и называет класс предметов, к которому оно относится:

- (37) ...повелел отослать яко пленных *в стекгоlm, чрез которой город* они будто прямым порядком взятые в плен, <...> ведены пеши до места ареста своего [Там же: 220–221].

Однажды смысл сказанного в главном предложении обобщается универсальным способом посредством существительного *случай*. Среди конструкций третьего типа это единственный контекст, демонстрирующий отсутствие определительного значения:

- (38) ...которой город, хотя по zelo долгопротяжной и кровавой осаде двулетней взяли. *При котором случае* с девять тысяч человек Поляков в полон взято [Там же: 53–54].

Если обратиться к следующему источнику — изданию «Политиколепная апофеосис» (1709), которое также содержит оригинальный текст, но, в отличие от «Рассуждения» П. П. Шафирова, ориентируется на нормы простого церковнославянского языка (гибридного регистра), — можно увидеть, что здесь конструкция с повтором употребляется существенно реже. При том что объем данного текста сопоставим с «Рассуждением» П. П. Шафирова и составляет примерно 110 условных страниц, конструкции с повтором представлены здесь всего тремя примерами.

В одном случае употребляется собственно повтор:

- (39) Великий на умысле и Иовиша достойный гнев приемлет, и *совет* созывает, и ничтоже умедлиша званнии. *На котором совете* егда предложи им намерение свое, яко хочет род человеческий погубити [Апофеосис 1709: 126].

Конструкции второго типа, где существительное при местоимении повторяет однокоренное соответствие, в тексте отсутствуют, а третий тип представлен двумя примерами:

- (40) ...в лодке сидящий час, едино крило белое, знаменающее день, другое крило черное знаменающее ночь, имущий, иже гребушаго тамо и управляющаго лодку человека, перстом, аки бы наказует *через которое то* симболом не ино что благоразумнейшии монарх хотяше знаменати, токмо денный и нощный труд свои, и своих обучение в управлении корабля сего политичнаго монархии россииска [Там же: 130–131]. Второй пример: *От которых слов*, с. 120.

Обратим также внимание на то, что в примере (40) повтор дополнен другим местоимением, которое, как уже подчеркивалось выше (см. пример (4)), усиливает анафорическое значение относительного местоимения.

3.3. Конструкции с повтором в переводных текстах

Что касается переводных памятников, то здесь употребление конструкций с повтором, по-видимому, зависит уже не только от тех языковых норм, на которые ориентирован сам перевод, но и от синтаксической организации оригинала, с которого этот перевод выполнен. Обратимся к следующему источнику — «Краткому описанию о войнах из книг Цезариевых» (1711 г., [de Rohan 1648]). Учитывая, что сам перевод ориентирован на нормы нового литературного языка, а его французский оригинал на употребление анализируемой конструкции влияния не оказывает, можно предположить, что частотность употребления повтора здесь будет сопоставима с той, что наблюдается в «Рассуждении» П. П. Шафирова.

Во французском языке рубежа XVII–XVIII вв. конструкция с повтором существительного при относительном местоимении встречается крайне редко. Нам известен лишь один такой случай, когда французский оригинал оказывает влияние на русской перевод. Он встретился в рукописном переводе второго трактата «О правлении» Дж. Локка (вторая половина 1720-х гг.). Ср.:

- (41) Первая <власть. — *В. К.*>, охранять себя как возможно, так же и других *по закону* натуральным, *которыми законами* как он, так и все люди сочиняют общество и гражданство. В ориг.: ...suivant l'esprit & la permission des loix de la Nature, *par lesquelles loix, communes a tous...* [Круглов 2003: 75].

В «Кратком описании о войнах» подобного соответствия не наблюдается. Иногда конструкциям с повтором, присутствующим в переводе, в оригинале соответствуют также находящиеся в начале предложения обороты с указательными местоимениями. Например:

- (42) ...к ним ворвался и побил их, *по которой виктории* те народы все покорились [де Роан 1711: 31]. В ориг.: *Cette victoire soumit tous ces peuples là* [de Rohan 1648: 18].

Иногда на месте повтора, использованного переводчиком, в оригинале обнаруживаются другие обороты, в которых соответствующие существительные являются частью сказуемого. Например:

- (43) В корпусе баталии употребляют копья, *которое оружие зело угодно есть* к сопротивлению против кавалерии [де Роан 1711: 190–191]. В ориг.: ...*qui est une arme très propre* pour résister à la cavalerie [de Rohan 1648: 147].

Всего мы насчитали в источнике 9 примеров первого типа и 3 примера второго типа. Очевидно, что в обоих случаях непосредственного влияния французского оригинала на русский перевод не наблюдается.

Всего в «Кратком описании о войнах» обнаруживается 44 конструкции с повтором, и, если принять во внимание, что объем памятника почти в полтора раза больше, чем трактат П. П. Шафирова, частотность употребления повтора в обоих текстах оказывается сопоставимой.

Конструкция первого типа (собственно повтор) представлена в данном переводе четырьмя примерами. В двух случаях наблюдается «избыточное» употребление, в оставшихся двух повтор выполняет уточняющую функцию:

- (44) ...внегда де начальные места государства суть укреплены, то везде хлеб с поля в них свозят, *на которое [поле]* армия неприятельская пришедши, еже ли пробудет долго, то с голоду помрет [де Роан 1711: 345]. См. там же: *которое место*, с. 254; примеры с уточняющей функцией: *по которому роспросу*, с. 133; *которые [козматы]*, с. 290.

Одним примером представлен в тексте второй тип повтора, когда существительное отсылает к однокоренному соответствию:

- (45) Потом помпеи <...> *атаковал* с единого конца цезариев транжамент, *в которой атаке* [или приступе] он имел такое счастье в двух боях единым днем [Там же: 147].

Наибольшим количеством употреблений (всего 39) представлен в тексте третий тип повтора, где посредством существительного обобщается смысл сказанного в главном предложении. В большинстве случаев (21 пример) содержание главного предложения обобщается универсальным способом, то есть включается в причинно-следственные отношения и отношения сопоставления, постулируется в качестве образца либо времен-

ного и пространственного ориентира. Ср.: *по которому случаю, которым способом, в котором состоянии, по которой причине, по которому образу, в которое время, в котором месте*. Например:

- (46) ...однакож цезарь их побил, по упрямому бою, и жестоко прогнал, *по которому случаю* ни где ни малои противности ему не было, до самой немецкой земли [Там же: 19]. Ср. выше примеры (9), (11).

В остальных случаях конструкции с повтором, наряду с анафорическим, свойственно определительное значение. Четыре раза существительное при местоимении характеризует другое существительное (или числительное), называя класс предметов или явлений, к которому относится последнее. Например:

- (47) Немцы <...> видя себя в частой доуке *от свевов, которой народ* наисилнейшии был и смелейшии из всей немецкой земли, страну свою оставили [Там же 1711: 38]. Ср. выше примеры (14)—(16).

В оставшихся 14-ти случаях обобщается действие, о котором говорится в главном предложении; иногда этому действию (или его результату) дается оценка: см. выше примеры (12), (13): *в котором путешествии, по которому безчастию*.

Таким образом, если по количеству употреблений повтора «Краткое описание» обнаруживает сходство с «Рассуждением» П. П. Шафирова, то по количеству отдельных его типов оно демонстрирует существенное отличие. Если у П. П. Шафирова конструкции первого и третьего типов представлены поровну, то в «Кратком описании» количество случаев, когда существительное в придаточном предложении повторяет существительное главного, почти в десять раз меньше, чем примеров, где это существительное обобщает смысл сказанного в главном.

В последнем из анализируемых источников — трактате С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина по закону естественному» (S. Pufendorf. «De officio hominis et civis juxta legem naturalem»; Lund, 1673), переведенному с латинского языка и изданному в 1726 г., — употребление конструкций с повтором должно, по-видимому, испытывать два противоположных влияния: во-первых, со стороны норм гибридного регистра, которым «черты оральности в целом чужды» [Живов 2000: 573], и со стороны латинского оригинала, в котором аналогичные конструкции, напротив, были представлены достаточно широко. Историки латинского языка отмечают, что конструкции с повтором известны в нем еще с древнего периода. Служащие для придания тексту большей ясности, они получили распространение в административном языке Римской курии и повестях, отмеченных художественной непритязательностью³.

³ Ср.: «*Exemplum, quo exemplo*. <...> Diese der Deutlichkeit dienende und daher im Kurialstil oft ebenso wie in der literarisch anspruchslosen Erzählungen lästig gehäufte Struktur findet sich im Altlatein» [Hofmann, Szantyr: 563].

Что касается оригинала, с которого был выполнен русский перевод сочинения С. Пуфендорфа, следует учесть, что с момента появления трактата в 1673 г. в течение последующих пяти десятилетий он выдержал более десяти переизданий на латинском языке, в том числе исправленных и дополненных. Источником русского перевода, по-видимому, послужил более поздний вариант текста, в котором пятая глава первой части состоит из 29 параграфов, а не из 24, как в большинстве изданий. Среди книг, которыми мог пользоваться переводчик, — изданная в Стокгольме в 1701 г. и во Франкфурте-на-Майне в 1715 и 1719 гг.

Латинский оригинал несомненно оказывает влияние на употребление конструкции с повтором в русском переводе, причем это касается всех ее типов. Например, собственно повтора:

- (48) ...инным путем, *право* себе сыскивают из наших вещей известную какую-либо получить себе корысть, или препятствовать да бы мы вещи нашей не совершенно употреблять могли. *Которые права* именуются работства или услужности [Пуфендорф 1726: 249]. В ориг.: ...aut alia via, *jus sibi quaesiverint, ex re nostra certum commodum percipiendi, aut etiam impediendi, ne nostrâ re omni modo utamur. Quae jura solent vocari Servitutes* [Pufendorf 1719: 184].

Также встречаются случаи, где и в оригинале, и в переводе существительное при относительном местоимении отсылает к однокоренному соответствию:

- (49) ...и ея (вещи (предмета договора). — *В. К.*) качества должны быть известны, без которого известия, ясное соизволение познати не мощно [Пуфендорф 1726: 201]. В ориг.: ...ejusque qualitates debent esse cognitae; *citra quam cognitionem* liquidus consensus intelligi nequit [Pufendorf 1719: 147].

То же касается и случаев, когда существительное в придаточном предложении обобщает смысл сказанного в главном. Ср.:

- (50) Тако не подобает к цене прилагати действия священные, которым желание некое моральное по уставлению Божию есть назначенное, *которое погрешение* именуется симониа [Пуфендорф 1726: 271]. В ориг.: Sic illicitum est pretio addicere actiones sacras, quibus effectus aliquis moralis ex instituto divino est assignatus; *quod crimen Simoniam* vocant [Pufendorf 1719: 202].

Всего в русском переводе, объем которого в принятых выше условных страницах составляет 215 единиц, встречается 18 случаев употребления повтора, и это значит, что его частотность в трактате С. Пуфендорфа ближе к той, что демонстрирует «Политиколепная апофеосис», хотя и отличается от нее в большую сторону. Последнее обстоятельство, возможно, связано с тем, что ровно в половине случаев повтор в переводе соответствует повтор в оригинале. По количеству конструкций первого типа (с существ-

вительным и в главном, и в придаточном предложениях) трактат С. Пуфендорфа отличается от всех проанализированных источников: только здесь собственно повтор превосходит по количеству все остальные типы конструкции. Всего в тексте насчитывается 11 примеров собственно повтора. В 4-х случаях он демонстрирует избыточное употребление, в остальных — выполняет уточняющую функцию, как в следующем примере, где необходимая однозначность референциального отождествления нарушается существительным *вещь*. Ср.:

- (51) ...узаконили согласием неким, *цену* превосходную на всякую вещь наложить, *которой цене* иных вещей народные цены мощно было определяти [Пуфендорф 1726: 278–279].

Следующий пример, где существительные отделены друг от друга лишь личной глагольной формой, напротив, иллюстрирует избыточное употребление повтора. Ср.:

- (52) ...всякий глагол должно разуметь так, что в собственном своем и народном *знаменовании* являет, *которое знаменование*, не тако свойство или производство грамматическое, яко народное обыкновеней (!) употребление [Там же: 318].

Конструкции второго и третьего типов представлены в трактате соответственно тремя и четырьмя примерами, причем в тех случаях, когда повтор обобщает смысл сказанного в предшествующем предложении, его семантика всегда включает определительное значение (см. выше примеры (49), (50)).

4. Выводы

Таким образом, в каждом из четырех рассмотренных источников употребление постпозитивных конструкций с повтором существительного при местоимении *который* имеет свои особенности. В «Рассуждении» П. П. Шафирова (1717) и «Кратком описании о войнах из книг Цезариевых» Анри де Роана (1711) — текстах, ориентированных на нормы нового литературного языка, — частотность употребления таких конструкций составляет соответственно 0,23 и 0,32 примера на условную страницу. В то же время в «Политиколепной апофеосис» (1709) и трактате С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина» (1726), находящихся под влиянием норм простого церковнославянского языка, этот показатель в несколько раз ниже и равен соответственно 0,03 и 0,08. Если же учесть, что во французском языке, с которого переведено сочинение де Роана, в рассматриваемый период аналогичные конструкции встречались крайне редко, а в латинском языке, с которого переведен трактат С. Пуфендорфа, такие конструкции, напротив, представлены достаточно широко, можно с большой долей уверенности утверждать, что последний испытывал сразу двойное влияние — как со стороны гибридного регистра, так и со стороны латинского оригинала.

В каждом из проанализированных текстов особенности употребления демонстрируют и отдельные типы конструкции с повтором. Реже всего используются предложения, где повтор отсылает к однокоренному соответствию. В издании «Политиколепная апофеосис» подобные примеры отсутствуют вообще, а в остальных источниках их насчитывается от одного до трех. Существенно большим количеством примеров представлены два других типа, где одно и то же существительное присутствует и в главном, и в придаточном предложениях и где существительное при местоимении *который* обобщает смысл сказанного в главном. В «Рассуждении» П. П. Шафирова оба типа представлены равным количеством примеров (по 10), в трактате С. Пуфендорфа заметно преобладают первые (11 : 4), а в сочинении де Роана — вторые (39 : 4). Не исключено, что данные показатели являются случайными, так как отдельные типы рассматриваемой конструкции закономерностей в своем употреблении не обнаруживают.

Источники

- Апофеосис 1709 — Политиколепная апофеосис. М., 1709.
- Ведомости 1703–1707 — Ведомости времени Петра Великого. Вып. I. 1703–1707 гг. М., 1903.
- Ведомости 1708–1719 — Ведомости времени Петра Великого. Вып. II. 1708–1719 гг. М., 1906.
- Гистория 2004 — Гистория Свейской войны. Последняя редакция // Гистория Свейской войны. Поденная записка Петра Великого / Сост. Т. С. Майкова. М., 2004. Вып. 1. С. 197–541.
- Доклады 1887 — Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. III. Кн. 1. СПб., 1887.
- Посошков 1951 — *И. Т. Посошков*. «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения / Ред. и коммент. Б. Б. Кафенгауза. М., 1951.
- Пуфендорф 1726 — *С. Пуфендорф*. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726.
- Рассуждение 1720 — Рассуждение о оказательствах к миру, И о важности, чтоб оставить Гибралтар, соединен со владениями Великобритании. СПб., 1720.
- де Роан 1711 — [*Анри де Роан*]. Краткое описание о воинах из книг Цезариевых. М., 1711.
- Уложение 1649 — Уложение. М.: Печатный двор, 29 января 1649.
- Шафиров 1717 — *П. П. Шафиров*. Рассуждение какие законные причины его царское величество Петр Первый (...) к начатию войны против короля Карола 12, Шведского 1700 г. имел. СПб., 1717.
- ШК 1708 — Книга о способах, творящих водохождение рек свободное. М., 1708.
- Pufendorf 1719 — *S. Pufendorf*. De officio hominis et civis juxta legem naturalem. Francofurti ad Moenum, 1719.
- de Rohan 1648 — [*Henri de Rohan*]. Le parfait capitaine. Autrement l'abregé des guerres des Commentaires de Cesar. A Paris, 1648.

Л и т е р а т у р а

Быкова, Гуревич 1955 — Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. М.; Л., 1955.

Живов 1997 — В. М. Живов. Заметки об историческом синтаксисе русского языка (По поводу книги: Hüttl-Folter 1996) // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 58–69.

Живов 2000 — В. М. Живов. О связанности текста, синтаксических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа // Слово в тексте и в словаре: сборник статей к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна / Под ред. Л. Л. Йомдина и Л. П. Крысина. М., 2000. С. 573–581.

Зализняк, Падучева 1979 — А. А. Зализняк, Е. В. Падучева. Синтаксические свойства местоимения *который* // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1979. С. 289–329.

Кагарлицкий 2004 — Ю. В. Кагарлицкий. Придаточные определительные с союзным словом *кой* в русском литературном языке первой половины XVIII века // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 136–156.

Качевская 1954 — Г. А. Качевская. К истории сложноподчиненных предложений с придаточным определительным (По данным памятников русской письменности XVI в.) // Труды Института языкознания АН СССР. Т. V. 1954. С. 203–223.

Кершиене 1973 — Р. Б. Кершиене. Сложноподчиненные определительные предложения // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Сложноподчиненные предложения / Отв. ред. В. И. Борковский. М., 1973. С. 5–73.

Кершиене 1979 — Р. Б. Кершиене. Сложноподчиненные определительные предложения // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение / Отв. ред. В. И. Борковский. М., 1979. С. 56–109.

Коротяева 1964 — Э. И. Коротяева. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. М.; Л., 1964.

Круглов 2003 — В. М. Круглов. Употребление относительных придаточных с местоимением *который* в русском рукописном переводе второго трактата о правлении Джона Локка // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. 62. 2003. Heft 1. S. 61–81.

Круглов 2004 — В. М. Круглов. Русский язык в начале XVIII века: узус петровских переводчиков. СПб., 2004.

Круглов 2014 — В. М. Круглов. Исторический синтаксис и история русского литературного языка // Литературная культура России XVIII века. Вып. 5 / Отв. ред. П. Е. Бухаркин, Е. М. Матвеев. СПб., 2015. С. 119–131.

Круглов 2015 — В. М. Круглов. О характере нормы в русском языке первой четверти XVIII века // Petra Philologica: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия / Отв. ред. Н. А. Гуськов [и др.] (= Литературная культура России XVIII века. Вып. 6). СПб., 2015. С. 167–180.

Пекарский 1862 — П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862.

Потебня 1968 — А. А. Потебня. Место придаточных предложений с относительным словом по отношению к главным // А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. М., 1968. С. 263–273.

Стеценко 1960 — А. Н. С т е ц е н к о. Сложноподчиненное предложение в русском языке XIV–XVI вв. Томск, 1960.

Сумкина 1954 — А. И. С у м к и н а. К истории относительного подчинения в русском языке XIII–XVII вв. // Труды Института языкознания АН СССР. Т. V. 1954. С. 139–202.

Троицкий 1968 — В. И. Т р о и ц к и й. Относительное подчинение в языке русской письменности XVI–XVII вв. Казань, 1968.

Hofmann, Szantyr — Lateinische Syntax und Stilistik von J. B. Hofmann. Neubearbeitet von Anton Szantyr. Mit dem allgemeinen Teil der lateinischen Grammatik. München. [Б. г.].

Hüttl-Folter 1996 — G. H ü t t l - F o l t e r. Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen. Wien, Köln, Weimar, 1996.

Статья получена 20.11.2018

Vasily M. Kruglov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
vmkruglov@yandex.ru

**OBSERVATIONS FROM THE HISTORY OF RELATIVE CONSTRUCTIONS
IN RUSSIAN: SYNTACTIC CONSTRUCTION WITH A REPEATED SUBSTANTIVE
AFTER THE PRONOUN *KOTORYI* IN TEXTS OF THE PETRINE PERIOD**

The article analyzes the development of the standard Russian language norms in the beginning of the 18th century. The study is based on four texts printed in civil script from 1709 to 1726 and focuses on the use of syntactic structures with a repeated substantive and the relative pronoun *kotory* in postpositive subordinate clauses. The analysis demonstrates that this bureaucratic cliché was much more common in texts following new language norms than in ones written in “simple” Church Slavonic. The use of repeated substantives was partly supported by translations from Latin where analogous syntactic structures were widely spread and had the same stylistic connotation.

Keywords: Russian language, history of Russian standard language, historical syntax, relative subordination, Petrine era.

References

Bykova, T. A., & Gurevich, M. M. (1955). *Opisanie izdaniy grazhdanskoy pechati. 1708 yanvar 1725 g.* Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Hüttl-Folter, G. (1996). *Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen.* Wien; Köln; Weimar: Böhlau.

Kachevskaya, G. A. (1954). K istorii slozhnopodchinennykh predlozheniy s pridatochnym opredelitel'nym (Po dannym pamyatnikov russkoy pis'mennosti XVI v.). *Trudy Instituta yazykoznaviya AN SSSR*, 5, 203–223.

Kagarlitskiy, Yu. V. (2004). Pridatochnye opredelitel'nye s soyuznym slovom koy v russkom literaturnom yazyke pervoy poloviny XVIII veka. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 136–156.

Kershiene R. B. (1973) Slozhpodchinennye opredelitel'nye predlozheniya. In V. I. Borkovskiy (Ed.), *Sravnitel'noistoricheskiy sintaksis vostochnoslavjanskikh yazykov. Slozhpodchinennye predlozheniya* (pp. 5–73). Moscow: Nauka.

Kershiene, R. B. (1979). Slozhpodchinennye opredelitel'nye predlozheniya. In V. I. Borkovskiy (Ed.), *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. Slozhnoe predlozhenie* (pp. 56–109). Moscow: Nauka.

Korotaeva, E. I. (1964). *Soyuznoe podchinenie v russkom literaturnom yazyke XVII veka*. Moscow; Leningrad: Nauka.

Kruglov, V. M. (2003). Upotreblenie otnositel'nykh pridatochnykh s mestoimeniem kotoryy v russkom rukopisnom perevode vtorogo traktata o pravlenii Dzhona Lokka. *Zeitschrift für slavische Philologie*, 62(1), 61–81.

Kruglov, V. M. (2004). *Russkiy yazyk v nachale XVIII veka: uzus petrovskikh perevodchikov*. St. Petersburg: Nauka.

Kruglov, V. M. (2015). Istoricheskiy sintaksis i istoriya russkogo literaturnogo yazyka. In P. E. Bukharkin, & E. M. Matveev (Eds.), *Literaturnaya kul'tura Rossii XVIII veka* (Issue 5, pp. 119–131). St. Petersburg: Izd-vo SPbGU.

Kruglov, V. M. (2015). O kharaktere normy v russkom yazyke pervoy chetverti XVIII veka. In N. A. Guskov (Ed.), *Petra Philologica: professoru Petru Evgen'yevichu Bukharkinu ko dnyu shestidesyatiletiya* (pp. 167–180). St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

Potebnya, A. A. (1968). *Iz zapisok po russkoy grammatike* (Vol. 3). Moscow: Prosveshchenie.

Stetsenko, A. N. (1960). *Slozhpodchinennoe predlozhenie v russkom yazyke XIV–XVI vv.* Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.

Sumkina, A. I. (1954). K istorii otnositel'nogo podchineniya v russkom yazyke XIII–XVII vv. *Trudy Instituta yazykoznaniya AN SSSR*, 5, 139–202.

Szantyr, A. (Ed.). (s.a.). *Lateinische Syntax und Stilistik von J. B. Hofmann. Mit dem allgemeinen Teil der lateinischen Grammatik*. München : C.H. Beck.

Troitskiy, V. I. (1968). *Otnositel'noe podchinenie v yazyke russkoy pis'mennosti XVI–XVII vv.* Kazan: Izd-vo Kazanskogo universiteta.

Zaliznyak, A. A., & Paducheva, E. V. (1979). Sintaksicheskie svoystva mestoimeniya kotoryy. In T. M. Nikolaeva (Ed.), *Kategoriya opredelennosti-neopredelennosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh* (pp. 289–329). Moscow: Nauka.

Zhivov, V. M. (1997). Zametki ob istoricheskom sintaksise russkogo yazyka (Po povodu knigi: Hüttl-Folter 1996). *Voprosy jazykoznanija*, 4, 58–69.

Zhivov, V. M. (2000). O svyazannosti teksta, sintaksicheskikh strategiyakh i formirovaniy russkogo literaturnogo yazyka novogo tipa. In L. L. Iomdin, & L. P. Krysin (Eds.), *Slovo v tekste i v slovare: sbornik statey k 70-letiyu akademika Yu. D. Apresyana* (pp. 573–581). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Received on November 20, 2018